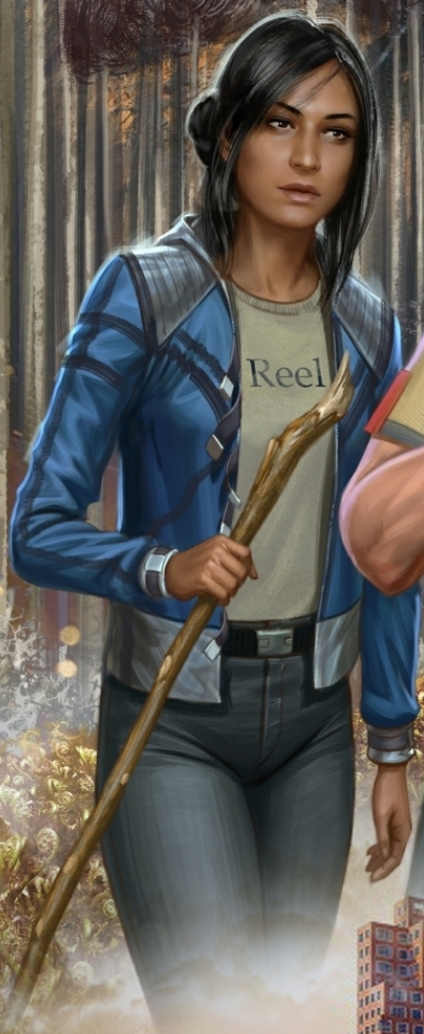

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 2. ПОИСК

ЕВГЕНИЙ ЮЖИН

16+

Инженер

ЕВГЕНИЙ ЮЖИН

Инженер. Часть 2. Поиск

«Автор»

2020

Южин Е.

Инженер. Часть 2. Поиск / Е. Южин — «Автор»,
2020 — (Инженер)

Прикосновение к тайне отравляет, оно заражает вас вирусом поиска ответов. Обычный земной человек - инженер, попав в другой мир, где есть магия, которой пользуются далекие потомки переселенцев с Земли, обречен искать решение загадки своего перемещения туда, загадки неподвластного ему искусства, загадки прошлого. Невольно, он сам становится носителем этого вируса, который заставляет менять жизненный путь даже тех людей, чья судьба была predetermined рождением и талантом.

© Южин Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	16
5	19
6	23
7	25
8	28
9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

1

В глазах потемнело, почва ударила по ногам и заставила опуститься на корточки. Темно. Руки уперлись во влажную траву. Остро пахло землей. Землей! Этот запах невозможно было перепутать! Он дурманил, как пролитые духи. Было ощущение, что тяжелая плита придавила мне спину, не давая пошевелиться. С трудом я выпрямился. Глубокий вечер, почти ночь, тусклый свет гаснущей зари подсвечивал над горизонтом далекий ряд деревьев. Я стоял посреди большого поля. Какие-то забытые признаки, какие-то запахи, ощущения подсказывали мне, что я в степи. За моей спиной обнаружилась цепочка далеких огоньков – дорога, подсвеченная фонарями. Взгляд зацепился за ползущий светлячок, тот приблизился и, сверкнув фарами, бесшумно заскользил дальше. Я оцепенело проводил взглядом удаляющиеся красные точки. Голова кружилась, внутри все замерло. До ушей добрался запоздалый шорох уже скрывшейся из виду машины. Как же так у меня получается – скакать по звездам в самые неподходящие моменты?!

* * *

Ана пробывала на секретной базе три дня, но этого хватило, и она, играючи, внимательно выслушав мои объяснения, наделала сразу несколько активных ядер, генерировавших импульс. Для их, как она выразилась, фиксации были использованы раскопанные в гряде металлолома бронзовые гири неизвестного назначения. Для того чтобы добиться того же эффекта, мне бы потребовалось соорудить сложнейшую конструкцию, которая к тому же вряд ли отличалась бы надежностью по причине наличия необходимых движущихся частей.

Оставив меня переделывать летательный аппарат, она уехала. Экспедиция к заброшенным сооружениям, по ее словам, должна была отправиться через десять дней. Наше решение не идти вместе с ними, а использовать самолет, давало мне фору дней в двадцать-тридцать. И я использовал это время по максимуму – полностью переделал бескрылую летательную машину, испытал ее, добавил куцые средства для навигации. У планеты имелось магнитное поле, и, после ряда экспериментов, в моем распоряжении теперь был самодельный компас. Для того чтобы он работал более-менее стабильно, мне пришлось изготовить длинную, сантиметров пятнадцать, стрелку и установить ее на тонкой бронзовой игле. В результате компас с трудом можно было использовать в движении или с рук. Но, по большому счету, даже такое устройство было гигантским шагом в навигации. Я собрал для него специальный ящик, в котором стрелка просто снималась с иглы для перевозки.

За хлопотами с самолетом и компасом дни пролетели незаметно, и в один прекрасный момент на базе вновь появились гости. Ана прибыла в сопровождении двух телохранителей – здоровых молчаливых мужиков специфического вида с узнаваемыми чертами уроженцев Севера. Прибыв на базу, они установили что-то вроде охраны территории, используя для этого недовольного Курта. Так как единственным подступом к заброшенному руднику была река, то фактически они посменно дежурили на пристани, наблюдая за ней. Меня это полностью устраивало, так как устраняло ненужных посторонних наблюдателей за нашими полетами.

Несмотря на то, что самолет после переделок стал исключительно стабилен, для его управления требовались определенные навыки. Человек с Земли, выросший среди автомобилей, мотоциклов, самолетов, вертолетов и прочей летающей и ползающей техники, часть необходимых умений уже носил в себе. Необходимые глазомер, ориентация и понимание связи между твоими действиями и реакцией на них техники уже были заложены в нас годами тренировок вождения велосипедов, авто, самокатов и далее по списку. Ана же была из другой цивили-

лизации. Единственным аналогом земной технической культуры здесь были самодвижущиеся суда и лодки, управляли которыми люди, принадлежавшие к особой касте судоводителей. У прочих же опыта такого рода совершенно не было. И что хуже, девушка, в силу своего особого положения в обществе, обладала чудовищным самомнением, что едва не лишило нас и нашего самодельного самолета, и, вероятно, жизнью при первом же пробном полете. Надо отдать должное, мои многословные поучения Ана выслушала терпеливо и внимательно, однако, как вскоре выяснилось, вовсе не восприняла их как руководство к действию.

Первая тренировка должна была отработать взлет и висение на месте. Я расположился сзади, надеясь, что у меня будет время руководить действиями неопытного пилота и при необходимости подправлять его.

– Готова?

Девушка кивнула:

– Готова.

– Медленно сдвигай рычаг вертикальной тяги до тех пор, пока самолет не начнет подниматься, дождись, когда мы поднимемся выше вон той палки, и так же медленно убери тягу, пока машина не зависнет. Начинай.

Самолет, стремительным рывком вжав меня в сиденье, устремился вверх, впереди меня что-то пискнуло, и мои внутренности, повиснув в невесомости, защекотали мне живот, когда он рухнул обратно, собираясь шлепнуться со всеми последствиями о грунт. Я едва успел сдвинуть рычаг тяги обратно, и аппарат, скрипнув всем корпусом и страшно затрепав, вновь пошел вверх.

– Ничего не трогай! – проорал я, выравнивая машину и аккуратно возвращая назад на площадку. Ана молчала.

Мы уже стояли на точке, но молчание затягивалось.

– Эй! Ты как там? – проговорил я в затылок застывшей девушки.

– Я – нормально. Мне надо отдохнуть, – деревянно ответила та и полезла из машины. Я вздохнул и последовал за ней.

Честно говоря, я ожидал, что наши упражнения на этом и закончатся, но не тут-то было. Отойдя от шока, Ана потребовала вторичного инструктажа. На этот раз по количеству вопросов, которые она задавала, было ясно, что выводы сделаны, и я переместился во внутреннем рейтинге скелле¹ на несколько ступеней вверх, заняв позицию мудрого и опытного наставника, которого к тому же слушаться жизненно важно. При первом полете чувствовался страх и чрезмерная осторожность в действиях девушки, которые, однако, быстро сменились восторгом, стоило ей добиться ощутимых успехов в освоении техники. Ей настолько это понравилось, что следующие три дня я буквально не вылезал из самолета, налетаив в итоге не меньше, чем за все предыдущее время.

На пятый день, презрев ритуал торжественных проводов, мы отправились в Облачный край. Под брюхом машины, в подобии гамака, который туда пристроил Курт, болтался запас провианта и необходимых вещей на месяц жизни в пустыне. Никаких карт района, куда мы направлялись, у нас не было. Со слов Аны, заблудиться было невозможно – Облачный край, обширное холмистое плато, на востоке упирался в отроги Великих гор, которые считались непроходимыми. Вдоль линии гор располагалась цепь сооружений древних неизвестного назначения. По плану мы должны были, двигаясь на восток, добраться до подножия гор, после чего, отклонившись на юг или север, найти ближайшее сооружение. Основная экспедиция должна была поступить примерно так же, с той только разницей, что у них была провод-

¹ Скелле – в древнем языке существительное со значением «искусство, умение». Накануне Второго Поворота – название женского монашеского ордена, широко распространенного на Мау, члены которого занимались медициной. После Второго Поворота, когда все выжившие со способностью к искусству были вынуждены присоединиться к ордену, стало наименованием всех людей с даром вообще.

ница скелле, которая уже там бывала. Найдя искомое, они должны остановиться и ждать нас. В основной экспедиции, насколько я понял, было всего около десяти человек, зато имелись в наличии целых две скелле, или маути, как они себя называли. Главной целью всего этого мероприятия было довести меня до сооружений. Я должен был оценить их, что называется, взглядом землянина. От результатов этого зависели все дальнейшие планы заговорщиков. Ана не вдавалась в пояснения, но, кажется, у них был способ связываться друг с другом. Это было, по-моему, очень важно, когда вы отправляетесь в незнакомую местность, не имея даже приблизительной карты.

Между пилотских сидений осталось обширное место от удаленного оттуда за ненадобностью привода моего самодельного активного ядра, и теперь я разместил там суррогатный компас. Сам я расположился сзади, чем, как мне показалось, очень порадовал девушку, похоже, полагавшую, что место впереди самое почетное.

2

Облачный край раскрылся под нами бесконечным ковром холмистого леса, изредка перемежаемого редкими озерами. Когда мы пролетали над ними, становился понятен масштаб живого одеяла внизу. Некрупные озера обнаруживались на дне глубоких провалов, окруженных стенами высоченных деревьев. Похоже, что в этой части края, где я до того не был, дикая растительность выростала даже выше той, которую я встретил, когда попал сюда. Компас очень пригодился. Облачный край вполне оправдывал свое название, и мы двигались как будто в грандиозной космической щели между двух плит – плита бесконечного леса под нами и такая же бесконечная бело-серая плита облаков над нами. Я беспокоился о площадке для возможной посадки, но скоро успокоился. Лес нигде не подходил вплотную к озерам, и между водой и его кромкой располагались вполне пригодные для посадки полосы без крупной растительности. Озера, хотя и нечасто, но регулярно мелькали невдалеке, и я мог легко найти место для приземления, если бы это понадобилось.

Исходя из рассказов девушки и по моим приблизительным подсчетам, ширина плато в этом месте не должна была быть больше, чем километров четыреста. Мы двигались со скоростью, которую я, чисто субъективно, оценивал километров в пятьдесят в час. Итого получалось, что достигнуть предгорий мы могли максимум за восемь часов полета. Учитывая все необходимые остановки и вероятные задержки, уже на следующий день мы должны были быть на месте.

К вечеру впереди никаких признаков гор по-прежнему не наблюдалось, и мы решили остановиться на ночевку. Опустились на краю очередного озера – крохотного, буквально метров триста в длину и сто в ширину. Знакомо пахло йодом, вода была темного цвета, как в торфяных озерах Земли. Вдали, там, где озеро сужалось, обнаружился небольшой ручей, питающий водоем, и мы набрали чистой воды. Было привычно тепло, отсутствовали, как и на всей планете, насекомые или какая-то живность, и обстановка напоминала пикник в экзотическом парке. Стволы желто-серых гигантов живописно окружали озеро высокими стенами. Я был один с красивой девушкой на экзотической поляне в сотнях километров от ближайших людей. Однако девушка была скелле. Любая попытка сократить дистанцию, хотя бы в разговоре, наткнулась на ледяную броню высокомерного презрения – она сразу же вспоминала о том, кто она и кто я. Несмотря на то, что между нами была заключена сделка, своим партнером она меня не считала. У меня сложилось впечатление, что она меня воспринимает, как если бы я был инопланетянином – что было, на самом деле, удивительно точно. То есть она не допускает и мысли, что между нами могут быть человеческие отношения, что я могу воспринимать ее как женщину. Возможно, что я просто чего-то еще не знаю. Ведь я же не знаю на самом деле, как из маленьких девочек выращивают скелле. Мое любопытство в этом направлении пресекалось на корню. И в конце концов, поужинав, я не нашел ничего лучшего, чем лечь спать.

На следующий день ничего не изменилось, и я забеспокоился. По моим подсчетам, мы должны были уже преодолеть более полутысячи километров, а гор все не было видно. Ландшафт, правда, немного изменился. Одни деревья сменились другими – пониже, поуже, но более густо растущими. Я вспомнил, что уже встречал такие, похожие на гигантские кисточки для смахивания пыли. Озер стало меньше, и наконец, когда я уже собирался совершить посадку, вдали стало заметно что-то темное. Она обернулась ко мне и улыбнулась:

– Долетели.

Каменная осыпь поражала воображение – казалось, что она протянулась от самых облаков до подножия гор. Вправо и влево, насколько хватало взгляда, тянулась стена каменистых, крошащихся, веерообразных склонов, перемежавшихся скалистыми зубами. Верхушки большинства этих конусов прятались выше нижнего края облаков, и оттого горы казались совер-

шенно непроходимыми, протянувшимися глухой стеной от края мира до края. Но, конечно же, это было не так. Немного повисев почти под самыми облаками, разглядывая открывшийся вид, мы направились вдоль основания гор на юг. Долго лететь не пришлось, и уже через полчаса мы опустились на площадку рядом с первым из сооружений древних, которое пережило грандиозный катаклизм Второго поворота.

На ровной скалистой площадке одного из зубов, торчащих из осыпающихся склонов, располагались четыре высоченных колонны. Они мне напоминали египетские монументы, послужившие прообразом для многих памятников такого рода на Земле – четырехгранные сужающиеся к вершине столбы с косо срезанными макушками. Столбы располагались ромбом так, что один, самый высокий, стоял у дальнего края площадки, ближе к горе. Второй, такой же по высоте, стоял вообще не на площадке, а на располагавшемся ниже выступе скалы. Два оставшихся располагались справа и слева по краям – они были относительно невысокие. Вершины всех столбов были срезаны таким образом, что их площадки лежали на одной огромной наклонной плоскости, которая проходила через макушку еще одной детали сооружения – невысокой четырехугольной ступенчатой пирамиды, стоявшей в самом центре.

Мы опустились на краю скального выступа, недалеко от пирамиды. Вблизи было видно, что площадка когда-то была выравнена искусственно, и под мелкими камушками и мусором, покрывавшими ее, виднелись огромного размера квадратные плиты, лежавшие в основании. Я спрыгнул из кабины на скалу и с любопытством завертел головой. Ана сидела в самолете и, по-моему, больше следила за мной, чем за видами вокруг.

– Пойдем осмотримся? – позвал я ее, не сомневаясь в ответе.

– Иди. Я уже насмотрелась в свое время. Там ничего нет.

Я пожал плечами и двинулся к пирамиде. Зачем-то же мы прилетели сюда! Однако, по-своему, девушка оказалась права. Сооружение, по-видимому, было абсолютно функциональным – никаких украшений, надписей, таинственных дверей или непонятных механизмов. На плоской пыльной макушке пирамиды, два на два метра, ничего не было. Все, что мне удалось обнаружить, – четыре вырезанных в каменном материале строений древних иероглифа. Ана пояснила, что это числа – один, два, три, четыре. И все?

Пока я бродил по окрестностям, она разогрела воду в небольшом чайнике и теперь наслаждалась варевом, которое делалось из какой-то морской водоросли и по вкусу, как это ни странно, более всего напоминало кока-колу, правда, почти не сладкую. Я не мог просто так сидеть.

– А ты что-нибудь магическое здесь видишь? – спросил я девушку.

– Не-а. Только на низких колоннах, может быть, есть что-то на вершине. Здесь все уже тысячу раз облазили и в прошлом, и позже много кто.

– Ну, меня-то здесь раньше не было, – самоуверенно заявил я и полез под брюхо самолета, где в гамаке хранились наши дорожные пожитки. Вытащив на свет усовершенствованную версию подзорной трубы с линзами из неизвестного мне материала, который мог, фигурально выражаясь, проявлять магические эффекты, я оглядел сооружение, как говорится, вооруженным глазом.

Тут же выяснилась интересная деталь: все скошенные площадки на колоннах переливались голубоватым отсветом. Скелле просто не могли видеть магию так далеко, а колонны были слишком высокими – вот они и проморгали эти спецэффекты. Для меня было очевидно, что площадка на вершине ступенчатой пирамиды является функциональным центром этой конструкции и что предназначена она для человека. Но вот что он должен был там делать? Никаких деталей, которые позволяли бы управлять чем бы то ни было, там не было. Осматривая площадку, я уже раньше нашел единственные здесь настоящие развалины. Это было похоже на небольшой каменный сарай, разрушенный сильным ударом по одной из стен. Сейчас груда обломков высилась среди уцелевших оснований трех стен и производила ощущение глубокой

древности – острые грани сгладились от дождя и ветра, между камней скопились песок и гравий. Я направил свою трубу на холмик и сразу же обнаружил две искорки, еле заметно мерцающие под ним. Это было интересно.

На раскопки ушло часа три, не меньше. Я вымотался, пару раз порывался бросить это занятие или слетать за кайлом, но как только бросал взгляд через трубу на ближайшую искру, так азарт сразу же смывал усталость. Ана все это время нарезала круги вокруг меня, как акула, почуявшая добычу. Работать приходилось коротким ломиком, который я прихватил, сам не знаю, почему, и руками. Наконец, после того как я выдернул особо упрямый каменный блок, не желавший покидать свое насиженное гнездо, в мелком щебне, открывшемся под ним, я заметил знакомый камень. Сердце заколотилось бешеным насосом – маленький треугольный окатыш, точная копия того, который привел меня сюда. Я обтер его трясущимися руками и всмотрелся. Никаких звездочек в нем не было видно. Поводив камнем по сторонам, я ничего не обнаружил.

– Что скажешь? – обратился я к Ане.

Та немедленно выхватила камень у меня из рук:

– Такой же, как тот, о котором ты рассказывал?

– В точности. Только никаких звездочек не видать. Может, ты чего видишь?

– Вижу, конечно. Интересно, как его сразу не заметили? Там очень сложная структура. У нас такие, только попроще, делают в Арракисе². Они для моряков. Что-то вроде устройства для навигации – при любом положении сохраняют точное направление на точку, к которой их привязали. И да, это похоже на звездочку.

– Так почему же сейчас никакой звездочки не видно?

– Мне кажется, он не привязан еще. Точно сказать не могу – я ничего настолько сложного еще не видела. Даже больше, я не понимаю, зачем так сложно?

Отобрав у нее камень, я навел на него лупу. Через линзу, превращающую излучение таинственного источника в электромагнитное, стало видно мерцающее сияние внутри. Судя по тому, что только часть этого излучения преобразуется в видимый свет, внутри действительно что-то непростое.

Приближался вечер. Поднялся несильный ветер, и сразу стало намного прохладнее. Я обратил внимание, что Ана уже надела на себя теплое длинное подобие пальто, и полез под самолет за своим камзолom, который сохранил со времен приключений в Варсониле³.

– Думаю, надо спуститься вниз, к озерам, и переночевать там. По крайней мере, не замерзнем, – сказала моя спутница.

Я был возбужден находкой – еще никогда я не был так близко от цели. Хотелось исследовать все как можно тщательнее. Забрав у девушки камень, который она вертела между тонких изящных пальцев, я заявил:

– Поднимусь на пирамиду. Хочу проверить кое-что.

О том, что под развалинами должен быть еще один камень, я почему-то умолчал.

На вершине ветер был еще сильнее. Я остановился, приходя в себя после подъема, и посмотрел вниз. Было видно, как Ана забралась в кабину самолета. Я подумал, что она собирается взлететь, но нет. Похоже, она просто пряталась от ветра. Выйдя на середину площадки, я собирался понаблюдать камень через линзу – не будет ли происходить каких-нибудь изменений в переливчатом пятне внутри, – когда заметил, что камень светится сам по себе знакомым голубоватым отблеском. Надо позвать Ану, подумал я, и тут же мир дернулся, потемнел, и по ногам жестко ударила земля.

² Арракис – город на побережье океана, столица государства, в которое попал Илья.

³ Варсонил – крупный город на притоке Дона – Орнеже. Находится на полпути от истоков Дона до океана. Особенностью является нахождение под контролем города так называемого Радужного Разлома – серии геологических образований, в которых добываются некоторые магически важные минералы.

3

Дорога была идеальной – ровный свежий асфальт, четкая красивая разметка и желтый свет фонарей, отделяющий мир цивилизации от окружающей тьмы. Пока я добирался до нее, я видел еще несколько машин, проехавших в том же направлении. И, как назло, стоило мне выйти на свет, машины исчезли. Поразмыслив, я двинулся в том же направлении, куда ехали автомобили. Я совершенно точно был на Земле, но где? Дорога казалась знакомой, разметка белого цвета – значит, не Америка и не Канада. Да и сам стиль дорожных фонарей казался родным и знакомым. Хотя я и не сомневался, что на большинстве из них, если поскрести, легко можно было найти надписи, что-то вроде «сделано в Китае». Было прохладно, но ощущения, запахи намекали скорее на весну, чем на осень. Пахло, кроме всего прочего, близкой водой.

Отблеск фар осветил обочину и протянул длинные тени от моих ног. Я обернулся и увидел приближающийся автомобиль. Остановился и поднял руку в универсальном жесте. Машина сначала проскочила мимо, не останавливаясь, но, проехав метров сто, внезапно осветила пустоту новой краской – ослепительным светом стоп-сигналов. Торопливо шагая к ней, я гадал, что это за авто – никогда раньше я таких не видел. Уже подойдя совсем близко, рассмотрел значок какой-то китайской марки на багажнике небольшого белого кроссовера и знакомые российские номера. Так, я дома. Коды регионов я не помнил, но это точно было что-то южное, и я подумал о Ставропольском крае.

– Добрый вечер, – поздоровался в приоткрытое окно я, – подвезете?

– Добрый, – буркнул водитель – пожилой дядька с усами, в клетчатой рубашке и джинсах. – Вы что, из этих, реконструкторов?

– Вроде того, – уверенно ответил я, решив играть по его правилам.

– Залезайте. Вас куда?

Простой вопрос поставил меня на время в тупик. Можно, конечно, было бы назвать ему московский адрес и остаться караулить следующую машину, но я выкрутился и после небольшой паузы сказал:

– Да любой торговый центр по пути. Мне бы переодеться.

– Это да, – согласился водитель. – Видел я вашего брата. Кто в чем! У вас, кстати, одежда не похожа на Средневековье. Это что?

– Это так одно угро-финское племя в прошлом одевалось, – продолжил я врать.

Тем не менее похоже, что это устроило моего спутника:

– А-а, ясно. А как на дорогу-то попали? С реки, что ли?

Стало ясно, почему пахло водой. Надо было срочно изобретать версию, как я попал туда в одиночестве.

– Лодка потекла. Пришлось бросить – завтра чего-нибудь придумаем. Телефон вот утонул – это проблема.

– Понятно! А то, я думаю, откуда он там взялся – один, ночью. Ну, да ничего, смарт – это не проблема. Я вас в «Аисте» высажу – там все, что угодно, найдете.

– Спасибо, – ответил я, гадая, что такое «Аист». Вероятно, какой-то местный магазин.

Тем временем я пытался сориентироваться – оглядел салон, панель приборов, тайком рассмотрел мужика. Ничего необычного – разве что машина незнакомая, но я никогда знатоком по части продукции китайского автопрома не был. Магнитола негромко играла незнакомую песню, явно импортного изготовления.

– А чего это играет? – решил я поинтересоваться.

– Да хрен его знает! – ожидаемо ответил водитель и неожиданно щелкнул кнопкой на руле, и музыка прекратилась.

Экран мигнул, сменилась картинка, и в верхней части по центру ярко высветились время и дата – 20:24 и 10.04.2032. Я оцепенело вытаращил глаза! Видимо, я среагировал довольно красноречиво, так как мужик бросил на меня взгляд и усмехнулся:

– Что, поздновато? Ну, оно и понятно, ты же смарт утопил.

– Ну да, – с трудом выдавил я из себя. Спросить его, что ли, где я? Когда – я уже выяснил. Отвернувшись к окну, я ошарашенно переваривал новую информацию. Как только психика все это выдерживает? Я чувствовал себя совершенно спокойным, хотя еще сегодня утром я исследовал сооружения древних магов на далекой планете, затем, как у меня это, по-видимому, на роду написано, бросил в одиночестве в глухих лесах не совсем постороннюю для меня женщину, очутился на родине, где, как выяснилось, прошло двенадцать лет. Двенадцать, Карл! Что я собирался делать? Найти жену, дочку, кота? Жена, наверное, забыла уже меня. Дочка – замужем. Кот?

Я судорожно схватился за карман кафтана – камень был на месте. Хоть что-то! Хоть какой-то ориентир! Уткнувшись лбом в прохладное стекло, я старался понять, чего я хочу? Я хотел домой – попал. Теперь, вроде как, хочу назад. Или нет? Единственное желание, которое осталось неизменным – разобраться, что происходит и как это возможно. Вот только я опасался, что сделать это здесь, на Земле, так далеко от таинственного источника, было невозможно. Вздыхнув, решил – будем исходить из тех возможностей, которые есть. Для начала надо вернуться по-настоящему. То есть легализоваться, найти дом и семью. Первая мысль – обратиться в полицию – была немедленно отброшена. Это уже крайний случай! Я не исключал, что, так или иначе, полиция сама рано или поздно обратится ко мне. Пока побарахтаюсь.

За окном приближались яркие огни большого торгового центра на окраине какого-то города. Две тысячи тридцать второй год! Пока будущее выглядело вполне похоже. Машина легко заскочила на окраину огромной стоянки, и водитель начал извиняться:

– Извини, я тороплюсь – обещал сегодня домой пораньше. Ну, тут рядом – добежишь.

– Спасибо вам! Добегу, не рассыплюсь, – ответил я и выскочил наружу.

Стоянка была почти пуста. При входе в торговый центр я столкнулся с веселым мужиком, несущим в охапке огромный пакет с покупками. Тот заулыбался, увидев меня:

– Привет людям из Средневековья! Вы там, того, скидывайте этих ваших герцогов с баронами. Свободу холопам!

Я махнул ему рукой:

– Скинули уже. Они у нас теперь равны со смердами.

Мужик, не останавливаясь, хохотнул и сгинул за стеклами раздвижных дверей. Повезло. Кажется, здесь сейчас какой-то фестиваль реконструкторов проходит, и мне в моем кафтане удалось закосить под одного из любителей материальной культуры древности.

Рядом со входом располагался огромный пустой салон со знакомой вывеской. Ага, значит, этот оператор, по крайней мере, не разорился и не пропал. Я решительно, хотя и без копейки в кармане, направился туда.

– Добрый вечер. Вам чем-то помочь? – тут же рядом обнаружился продавец в рубашке фирменного зеленого цвета.

– Ага, – ответил я, ошалело разглядывая витрину.

Двенадцать лет для мобильных телефонов, или как они тут теперь называются, – это очень много! Такого разнообразия я не ожидал. Выбрал часть стенда, где телефоны хотя бы по форме были похожи на то, что было раньше – плоские прямоугольники разных размеров. На краю витрины веером были разбросаны какие-то цветные рекламки, и я схватил одну из карточек. Тут же над ухом забубнил продавец:

– При минимальной стоимости эти модели абсолютно функциональны! Конечно, спутниковый доступ у них обрезан и работает через ВПН, но, скажем откровенно, разницы по скорости взаимодействия вы все равно не заметите.

Я пригляделся к тому, что принял за рекламный листок. Это была прямоугольная цветная карточка толщиной с плотный лист бумаги и размерами сходная с телефонами моего времени, только немного более вытянутая по высоте.

– И на сколько батареи у него хватит? – засомневался я.

Продавец, похоже, был несколько обескуражен:

– В смысле? Элемент стандартный, деградирует при плотном использовании за месяц. Производитель гарантирует, что в любом режиме использования он умрет не раньше, чем через две недели. Все как у всех – стандартно. Элементы производит только РМГ, – он немного помолчал и добавил: – В любом случае, среди одноразовых смартфонов эти сейчас самые популярные! Вам он для чего?

– Да я утопил телефон на речке и документы.

– Тогда не сомневайтесь! Дешевле, чем чашка кофе, а функционально – никакой разницы! Вам же нужна сеть, а не играть?

– Согласен. Только как платить? Я вместе с документами все утопил.

Продавец вновь меня не понял:

– Естественно, терминал у нас есть! Прикладывайте палец и забирайте.

Было заметно, что он потерял ко мне интерес. Но что мне делать? Может, как говорится, закосить под дурачка?

– Где терминал?

Продавец, странно взглянув на меня, достал из кармана плоскую длинную коробочку, похожую на телефон, поднес ее к карточке, которую я все еще держал в руке, терминал – это был он – пискнул, на экране высветился символ отпечатка пальца. Протянув устройство ко мне, парень кивнул кому-то в стороне:

– Сейчас. Иду уже.

Я, уверенный в результате, точнее, в его отсутствии, приложил свой указательный палец к экрану. Секундная задержка, терминал пискнул. Продавец буркнул:

– Спасибо за покупку! – и устремился в дальний конец зала.

Я, не ожидавший подобного, протянул ему вслед:

– А-а?

Парень хлопнул себя ладонью по лбу:

– Извините. Забыл, что вы утопили смарт. Какой номер был у вас?

– А можно на новый номер?

– Конечно. Выбирайте, – и он протянул мне все тот же терминал с длинным списком свободных номеров.

Я ткнул пальцем, не глядя, в первый попавшийся, он взял у меня из рук смарт, оторвал наклейку с экрана, отчего тот, кажется, стал совсем тонким, как лист бумаги, и включился. На экране мелькнул логотип производителя – какой-то китаец, продавец приложил одноразовый смарт к своему терминалу, тот очередной раз пискнул, и парень, зачем-то еще раз извинившись, убежал за стойку.

Я, сделав вид, что так все и должно быть, вышел из магазина в пустые коридоры торгового центра, нашел скамейку, стоявшую посреди длинного коридора, и упал на нее.

Стоило мне взять телефон в руки, как он ожил. Ничего сложного, все привычно и напоминает оболочки из моего времени. Вот только программы незнакомые. Экран был изготовлен по технологии, похожей на электронную бумагу, только цветную и очень качественную. Было похоже, что я действительно держу в руке листок плотной бумаги с отличной цветной полиграфией на нем. Один недостаток – подсветить им в темноте не получится. В углу экрана мелькало уведомление о полученных сообщениях. Следом за поздравлением от оператора о подключении к сети и радостью от того, что я стал членом большой семьи, шло уведомление от банка о списании с моего счета пятисот рублей за покупку.

Наконец-то я начал понимать, что произошло. У меня был счет в этом банке, оставшийся от стародавних времен, когда я покупал в кредит очередную машину. Тогда же мне вручили там кредитную карту, которую я использовал позже как резервный фонд денег на случай непредвиденных расходов. Накануне исчезновения я положил на нее довольно большую сумму собственных средств, так как собирался купить что-то дорогое. Об этой карточке и о счете в банке моя жена не знала – точнее, ей было все равно, откуда и как я оплачивал наши покупки. Но вот прямо накануне моего исчезновения мне понадобилось оформить какую-то справку, и справка эта оформлялась через портал госуслуг. Для его использования требовалось там зарегистрироваться, пройти авторизацию и сдать биометрию – отпечатки пальцев и фотографирование. Делалось все это в уполномоченных банках, среди которых был и этот самый, где у меня была кредитная карта. В то время все это было внове, и мало кто проходил эту процедуру целиком, но я, желая исследовать новое, сделал все необходимое. И вот теперь это пригодилось. Вероятно, за прошедшее время идентификация личности окончательно перебралась в сеть, а вместе с ней и все виды услуг, в том числе банковские, которые требовали этого.

Все это нужно было еще проверить, но первое, что я сделал – запустил приложение «Карты». Телефон среагировал мгновенно, и на экране появилась подробная трехмерная схема торгового центра, где я находился, с отметкой моего местоположения. Учитывая, что я был внутри огромного здания, здесь явно использовалась какая-то новая технология – не GPS или «ГЛОНАСС», что-то другое. Значок на экране не двигался, а уверенно сохранял позицию и направление стрелки – стоило мне повернуть смартфон, как значок повернулся вслед с удивительной точностью. Я увеличил масштаб и наконец-то узнал, где я находился – город Тихорецк, в треугольнике между Краснодаром, Ставрополем и Ростовом-на-Дону. Так, ясно – добираться до Москвы предстояло поездом.

Следующий час я присидел безвылазно на скамейке, устанавливая необходимые приложения, регистрируясь и авторизуясь. Профиль в «Гугле» сохранил все мои контакты, но была ли в них теперь ценность, я не знал. Приложение «Госуслуги» оказалось предустановленным порталом с фееричной функциональностью. На вкладке было сказано, что оно, согласно федеральному закону, работает независимо от баланса на счете провайдера цифровых услуг. Пройдя все необходимые процедуры аутентификации, я обнаружил, что мне в прошлом принадлежала недвижимость в городе Москве, о чем я и так знал, и что через два года после моего исчезновения она, по решению суда, была переоформлена на мою супругу, брак с которой был расторгнут еще раньше. Больше никакой информации по прошлому там не было, хотя, насколько я понял, это было связано с тем, что в те годы это приложение еще не было обязательным и не заменяло для гражданина все документы: паспорт, водительские права, имущественные права, банковские счета, и прочее, и прочее. Мне тут же сообщили, что мои права просрочены и что я должен повторно сдать биометрию в любом отделении полиции или в уполномоченных банках. Хорошо хоть, что я числился живым. По-видимому, по-своему мне повезло – этот портал стал универсальным носителем информации о человеке гораздо позже моего исчезновения, и информация об объявлении моего розыска или иных действиях, связанных с моим исчезновением, туда не попала. Когда же он превратился в то, чем он теперь был, то данные по моей личности просто перекочевали из одной базы данных в другую.

– Через час закрываемся! – вернул меня в реальность голос проходившего мимо охранника.

– Ой, спасибо!

– Не за что.

* * *

Я плакал. Никогда не замечал за собой какой-то слезливости или сентиментальности, но тут вдруг пробило. Покончив с магазином, переодевшись, поужинав и приобретя, между делом, билет на поезд до Москвы, проходивший через город в полтретьего ночи, я вышел на уже знакомую автостоянку. Торопиться было некуда, стоянка была пуста и безлюдна. Присев на скамейку под фонарем, я бросил объемистую сумку с моими инопланетными вещами и ковырялся в телефоне, когда что-то коснулось моей ноги. Небольшая черно-белая кошка терлась об нее, выпрашивая ласки и еды. Оказывается, я настолько отвык от того, что кому-то нужна моя любовь и забота, что внезапно внутри лопнула застарелая туго натянутая струна, и слезы потекли из глаз. Было безумно жалко не только себя, но и всех людей, которых я невольно подвел, всех, кто нуждался во мне и кто потерял меня. В тот момент я был уверен в своих будущих действиях – найти семью. Пусть для них прошло двенадцать лет, но для меня – только полтора года. Разум на время уступил права иным механизмам управления моим телом, древние отделы мозга царствовали, и сознание не в силах было им противостоять. Когда между мной и семьей были не безграничные дали космоса, а расстояние вытянутой руки, я был не в силах сопротивляться.

Проплакавшись, я успокоился и почувствовал, насколько устал. Безумно захотелось улечься прямо на этой скамейке и заснуть. Но я решил, что есть гораздо более удобное для этого место – вокзал. Вызвал такси и побрел к выезду со стоянки, чтобы последнему не нужно было меня искать.

4

Москва встретила меня солнечным теплом. Небо было синее от края до края, и ни одно пятнышко облака не пачкало его. Поезд, вполне комфортное и технически продвинутое средство передвижения, доставил меня точно по расписанию на Казанский вокзал столицы. За время поездки я успел, как мне казалось, приобщиться к текущим реалиям, благодаря безупречной связи, которая воспринималась другими пассажирами как совершенно естественное явление. Я до одури насмотрелся разнообразных вещательных каналов, разбираясь в текущей ситуации в стране и мире. Здесь меня ждало множество сюрпризов – как оказалось, двенадцать лет в политике – это тоже много. Интересно, но я смотрел и слушал текущие новости довольно безучастно. Оказывается, отсутствие личного опыта, сопричастности к тому, что происходило вокруг, отражалось на том, как мы воспринимаем информацию. Я, например, не реагировал на новости о грядущей валютной реформе на пространстве от Лиссабона до Владивостока, так как совершенно не ощущал, как это событие может повлиять на мою жизнь. Или, например, новый мэр Москвы – я даже не вполне понял, о чем он говорил в своем выступлении, за которое его критиковали абсолютно все и даже поговаривали о скорой отставке. Что это за единое транспортное пространство, которое мэрия грозит ввести со следующего года? А сейчас оно что, не единое?

Вызвав такси до моего дома – прежнего дома, я с любопытством рассматривал сияющий в свете яркого весеннего солнца город. Никаких следов снега не было, а это ведь начало апреля. По мелким, знакомым с детства деталям я понимал, что снег, если он и был, должен был растаять недели две назад – нигде не было видно останков нерастаявших сугробов, которые обычно прятались в укромных местах города еще долго после того, как тот оттаивал от зимы. Очень чистый, ухоженный и местами пугающе незнакомый. Среди машин на улицах было так много новых, никогда не виденных мной моделей, что я искренне радовался, когда встречал знакомые марки, дожившие до моего возвращения. Улицы пестрили множеством незнакомых мелких деталей – от непривычных светофоров, если это были они, до новой разметки проезжей части. Я рискнул поинтересоваться об этом у водителя и получил в ответ длинную тираду про то, как стало все плохо и как оно раньше было лучше. Водитель – пожилой узбек, как выяснилось, приехал в Москву десять лет назад и помнил, как тогда было. Тогда, по его словам, можно было зарабатывать, а теперь просто караул, закрутили все гайки так, что хоть собирай вещи да уезжай.

Я поинтересовался:

– А куда поедете?

– Э, куда из Москвы поедешь? Центр мира! Все, приехали! Внуки здесь уже учатся, совсем русские стали!

* * *

Сзади коротко посигналил автомобиль, выводя меня из состояния ступора. Я оглянулся, водитель жестами показывал, что ему надо проехать на подземный паркинг, на входе в который я и застыл. Махнув ему рукой, я сдвинулся, пропуская машину. Знакомая береза уцелела и торчала теперь немного в стороне от места, где был когда-то подъезд моего дома. Я оглянулся на уступы гигантских башен от четырнадцати до пятидесяти двух этажей, стоявших на месте старых домов. Береза была единственным, что роднило меня с этим местом, а ведь я прожил здесь почти тридцать лет!

Я подошел к ней. Было видно, что когда-то эти березы росли в линию вдоль дорожки у дома. Теперь дорога проходила чуть дальше, и на том месте, где стояла моя машина, высилась мачта уличного фонаря. Я постоял рядом с ним, раздумывая, что делать дальше, как искать родных.

На подъездной дорожке напротив фонаря стоял кроссовер того же цвета, что и мой старый автомобиль. Я достал из кармана камень и стал вертеть его, разглядывая, не появится ли знакомая звездочка. Я уже пробовал делать это раньше, но ничего не обнаружил. Камень был безответен. Неожиданно мне показалось, что в глубине камушка что-то мелькнуло. Светило яркое солнце, которое мешало разглядеть тусклую искорку, и я повернулся к нему спиной и немного придвинулся к припаркованной машине, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в глубине зажатого в кулаке камня. Машина громко квакнула сигнализацией, и я, дернувшись от неожиданности, отпрянул от нее. Однако та не успокоилась – в салоне автомобиля отчетливо и громко зазвонил телефон. Оглядевшись, я не заметил никого поблизости и из любопытства заглянул через боковое стекло внутрь. Центральный дисплей на панели приборов светился, телефон не умолкал. Солнце мешало разглядеть, что было на нем, поэтому я обошел машину по кругу и заглянул в окно с другой стороны. И остолбенел. На дисплее высвечивались имя и фотография вызывавшего абонента: «Илья, откройте дверь!» и моя фотография. Еще раз почему-то осмотревшись по сторонам, я потянул за дверную ручку, та щелкнула, и дверь открылась. Телефон тут же замолчал. Я стоял в нерешительности, не зная, что делать дальше. После короткой паузы раздался новый звонок. На этот раз имя высветившегося абонента было: «Илья, возьмите трубку!» Аккуратно, боком присев на водительское сиденье, я нажал на иконку ответа:

– Алло? – незнакомый голос со знакомым акцентом.

– Да, я вас слушаю.

– Илья?

– Да, а вы, простите, кто?

И неожиданно на языке Мау:

– Илья, пожалуйста, дождитесь меня. Никуда не уезжайте. Вы меня понимаете? Это очень важно!

Я машинально ответил на том же языке, на котором говорил еще два дня назад:

– Понимаю. Хорошо, дождусь.

– Меня зовут Михаил. Я плохо вожу машину. Сейчас приедет моя жена и отвезет меня к вам. Она уже едет. Но думаю, что все равно добираться мы будем около часа, – торопливо затараторил он по-русски. – Пожалуйста, не уезжайте.

– Да не уеду я, успокойтесь. А куда мой дом переехал, вы, случайно, не знаете?

– Знаю. Дождитесь, пожалуйста. Камень не потеряйте! – с явным беспокойством продолжил незнакомец. – Если хотите, можем поговорить по телефону, но это будет неудобно, да и смысла в спешке, я думаю, нет.

– Хорошо, я дождусь. А далеко они переехали?

– Не очень, но есть некоторые обстоятельства. Давайте лучше при встрече?

– Ладно, ладно. Через час я буду рядом с вашей машиной.

– Можете в ней подождать. Если вам удобно, я заведу ее.

– Да нет. Не стоит. Я только сумку брошу в салоне, а сам прогуляюсь. Хорошо?

– Да. До встречи. А у вас есть номер смарта? Ну, чтобы, там, связаться с вами, если что?

– Есть, – и я продиктовал номер.

Голос немного успокоился:

– Отлично, я перезвоню. До встречи!

– До встречи.

Стоило мне нажать иконку отбоя, как зазвонил мой одноразовый телефон. Михаил проверял номер, который я ему надиктовал.

5

Из окна квартиры на двадцатом этаже, в которой жил Михаил, открывался захватывающий вид на Москву-реку. Я был в чужой квартире, у незнакомых мне людей, но чувствовал себя дома. Михаил – худощавый мужчина лет пятидесяти с типичными чертами уроженца Мау, только подстриженный и одетый по последней московской моде – приехал за мной через полтора часа со своей женой – миловидной крашеной блондинкой бальзаковского возраста, москвичкой в пятом поколении. Вела машину последняя, так как Михаил, с его слов, так и не освоил премудрости вождения самодвижущихся повозок. Разговор в машине толком не получился – мои новые знакомые нервничали, говорили сумбурно, урывками, и я решил, что действительно надо дать им возможность рассказать все по порядку, обстоятельно. Тем более что и у меня вопросов было столько, что можно было только их перечислением легко заполнить всю поездку назад.

Жили они в новой, сверкающей стеклом, башне недалеко от набережной, и я был удивлен тем, что эти явно недешевые апартаменты были приобретены именно Михаилом, так сказать, на кровно заработанные.

После необходимого ритуала знакомства и короткого застолья пришло время объясниться. Михаил сидел в глубоком кресле современного вида из гнутой фанеры, на вид очень удобном, с подставкой под ноги, и терзал в руках чашку с чаем – как выяснилось, алкоголь для него был практически непереносим. Я устроился на коротком диванчике напротив, Марина – так звали его жену – все время перемещалась по квартире, то убегая на кухню, то присаживаясь рядом с мужем, то мигрируя от одного кресла к другому. Они оба волновались, но жена Михаила почти не участвовала в разговоре, в то время как последнего, что называется, прорвало.

Настоящим именем моего нового знакомого было Миутух. Родился и вырос он в Арракисе, столице Мау⁴, в которую я так и не добрался. Отец его работал в библиотеке ордена, если это можно назвать библиотекой. Про мать он не упомянул, но она точно не была скелле. Мальчик с детства проводил большую часть времени среди книг, и они стали его страстью. Ему удалось, не покидая Арракиса, выучить языки востока и островов, он мог говорить на южных диалектах Мау так, что южане принимали его за своего, и талантливого мальчишку заметили сестры. Они отправили его учиться в университет. Оказывается, о чем я не знал, в местных университетах учились не только девочки, но и мальчики. Правда, правила сегрегации действовали строго и, хотя формально они могли учиться в одном и том же заведении, фактически они никогда друг друга не видели. Все, что касалось магии, тем более было засекречено и отделено от простых смертных. Впрочем, Михаила, я буду называть его так, интересовали только древние языки. В первое столетие после Второго поворота не просто уничтожалась артефактная магия и знания о ней, уничтожалось все, что принадлежало культуре погибшей цивилизации. Орден скелле возник и развился в среднем течении Дона и этнически отличался от жителей побережья, которые до Поворота господствовали над Мау. Остатки выжившего населения побережья даже сейчас выглядели иначе, чем остальное население. Ана и весь дом Ур⁵ как раз и были живыми ископаемыми – пережитками далекой эпохи. В то столетие не просто уничтожались все книги или образцы древнего искусства, но и запрещался язык, который до катастрофы был общепринятым стандартом. Время шло, страсти улеглись, но ущерб, нанесенный ненавистью скелле и страхом переживших те события людей, оказался невосполнимым. В настоящее время древний язык и, что тоже важно, культура были полностью утеряны. Новые

⁴ Мау – первоначально название обширной равнины на западной окраине континента, являющейся бассейном реки Дон. Впоследствии так стали называть весь запад континента и в широком смысле даже весь обитаемый мир.

⁵ Ур – древняя аристократическая семья региона Мау.

поколения сестер в борьбе за власть были готовы использовать древние знания, но это оказалось невозможно. Невозможно потому, что для того, чтобы читать книги древних, точнее, для того, чтобы понимать, что там написано, надо было, кроме языка, владеть еще и культурой древних. Если представителю затерянного на далеком острове в океане племени предоставить перевод справочника по обработке металлов, это последнему ничего не даст. Культура – это совокупность не только знаний, понятий, идей и языка, это еще и машины, механизмы, инструменты, и прочее, и прочее, что справедливо называется культурой материальной. Но идея восстановить часть древнего наследия смогла выжить в среде консервативных монашек. Этому способствовала ожесточенная борьба, которую ордену пришлось выдерживать все эти годы. Вероятно, что-то они все же смогли использовать, иначе талантливый специалист по древним языкам не оказался бы направлен на особо важное и секретное задание – перевод и, что более важно, адаптацию древних источников к новым реалиям.

В один прекрасный день Михаил вошел в сумрачные залы закрытой части библиотеки, в которых, как ему тогда казалось, он должен был провести остаток жизни. Древний язык не уцелел, кроме пары далеких деревень на островах, где говорили на упрощенном рыбацком диалекте – потомке древнего величия. Зато уцелела письменность. Скелле в последнее время заботливо собирали то, что сохранилось, и помещали в закрытый фонд библиотеки. Надо сказать, что насобирали они немало, хотя было понятно, что от древней культуры, где книги были почти в каждом доме, почти ничего не осталось. Это «почти ничего» занимало огромный подвал, который находился в резиденции магистра ордена.

Письменность древних была основана на иероглифах, плавно трансформировавшихся в слоговое письмо, но сохранивших при этом древнюю традицию. Михаил, увлекшись, кажется, был готов говорить об этом бесконечно, но его прервала жена, и он оговорился только, что расшифровка древних книг была очень сложной задачей.

Занимаясь любимым делом, он жил затворником. Практически он жил на территории монастыря, хотя никто не ограничивал его свободы. С особой гордостью он сообщил, что создал теорию и метод, которые позволяли фиксировать вместо полей употребления значений древних слов их как бы инвертированную версию – поля исключений или запретов употребления. По его словам, это позволяло на порядок сокращать объемы словарных статей, которые были главным продуктом его работы. Разумеется, пользоваться такими таблицами мог только подготовленный специалист, для остальных же готовились традиционные многотомные словари.

Я немного поплыл на лингвистических терминах, которыми стал обильно сыпать Михаил, но Марина его не прерывала, и я понял, что это важно.

Дальше была экспедиция к подножию гор, найденный камушек, ночная прогулка, и – Земля. В отличие от меня, заброшенного на юг России, Михаил попал в Подмоскowie. Закономерным финалом для неподготовленного к жизни в современном человеческом обществе пришельца оказался приемник-распределитель, где, по-видимому, он содержался в качестве неопознанного сумасшедшего. Там его и нашла Марина. Она по профессии психиатр, давно уже работала психоаналитиком в частной клинике, но по каким-то причинам числилась на полставки в стационаре для психов. Среди прочего ее иногда привлекали в качестве специалиста для экспертизы. Марина верно определила, что всклокоченный испуганный человек со странными чертами лица, называвший себя Миутух, вовсе не ее пациент. В финале долгой истории, которую Михаил счел нужным опустить, он оказался в доме Марины, а со временем стал ее мужем, оформив официальный брак и таким образом решив свои проблемы с государством.

Талантливый лингвист быстро справился с незнакомым языком и, более того, опубликовал статью в каком-то сетевом ресурсе, объединяющем любителей лингвистики. Вскоре оказалось, что его метод, совершенно не соответствующий земным традициям грамотного оформления научных материалов, тем не менее, оказался отличным практическим решением для

группы исследователей из крупной международной компании, решавшей задачи машинного распознавания речи. Уже год спустя Михаил работал на корпорацию с мировым именем, а любой робот в телефоне содержал модуль, использующий его метод.

Но это было потом. А пока, выбравшись в цивилизованный мир, несчастный пришелец не справился с его напором и угодил под машину в результате банального похода за картошкой, которая оказалась его любимым земным блюдом. Тогда же он потерял и камень.

Еще позже он встретил в сети упоминание об исчезновении человека в нашем районе. В заметке смаковались подробности, вроде открытого багажника и исчезнувшей сумки с продуктами, но его привлекло совпадение даты и времени, когда он потерял камень и когда я исчез. Михаил сохранил всю информацию о моем исчезновении. Года через три, уже будучи обеспеченным уважаемым человеком, он предпринял расследование – мало ли что, вдруг я позже нашелся – и выяснил все подробности. Мое исчезновение стало для него идеей фикс – кроме того, что оно, по его мнению, было связано с его камнем, оно также было единственным свидетельством для его жены, которой он доверился, что тот бред, который он рассказывал – не выдумка.

Пока Михаил все это рассказывал, Марина, замерев, слушала его так, как будто и для нее все это было открытием. Похоже, что в этот момент он делился чем-то внутренним, чем-то, что скрывал даже от супруги.

В прихожей хлопнула дверь. Михаил замолчал, я сидел, переваривая услышанное, Марина выскочила из комнаты. В коридоре забубнили женский и детский голоса, минуту спустя в комнату заглянуло нечто – мальчик лет десяти, на лице которого были очки, похожие на плавательные, только гораздо крупнее. Не снимая их, тот заученно произнес:

– Здравствуйте, – и исчез.

Я посмотрел на Михаила:

– Чего это у него?

– А? А-а, очки дополненной реальности. Врачи прописали – у него близорукость начала развиваться. Действительно, очень помогают – там что-то связанное с адаптационными механизмами. Я не очень в курсе, вы же понимаете. Чтобы освоиться в этом мире, надо двадцать лет учиться. Но, в любом случае, зрение у него исправилось.

Я кивнул:

– Ясно. А зачем вы ловушку на меня поставили?

– Вы про машину? Ну, как зачем? Марина меня любит, конечно. Но вы представьте, что живете с человеком, который заявляет, что он инопланетянин. Даже если вы психиатр и уверены, что он здоров, каково ему? Инопланетянину?

– И вы решили, что, поймав меня, что-то докажете? Никто ведь не видел, как я сюда попал. Может, я мошенник?

– Дело не в вас, а в камне. Вы что же, думаете, что машина пиликала всем, кто к ней подходил?

Я достал камень из кармана и еще раз оглядел. Никаких звездочек не было видно.

Михаил внимательно следил за моими действиями:

– Хотите увидеть маячок?

– Это вы про звездочку такую?

– Ну да. Я, пока в библиотеке работал, о магии узнал гораздо больше, чем о ней знают сами скелле. Но давайте сделаем перерыв. У меня уже в горле пересохло, а нам еще говорить дня два – не переговорить.

Я хмуро кивнул:

– Давайте. А что с моей семьей? Вы сказали, что в курсе, где они. Так ведь?

В комнату заглянула Марина:

– Вы бы прервались. Мне надо Сашку покормить, а я хочу услышать историю Ильи.

Михаил посмотрел на свой телефон, не могу называть его смартфоном – режет ухо, и сказал: – Илья, вы не против прогуляться? Мне врачи велели каждый день наматывать минимум по десять тысяч шагов, и, что хуже, они это контролируют. Давайте пройдемся, а я вам расскажу про вашу семью и про ловушку, как я ее устроил, – повернувшись к Марине, он добавил: Я про его приключения спрашивать не буду – обещаю!

Из глубины квартиры послышалось: «Ма-ам!», и жена Михаила, махнув рукой, опять испарилась.

6

На первый взгляд казалось, что Москва осталась прежней. Во всяком случае, здесь, ближе к центру. Разве что машины другие и люди одеты иначе. Вроде бы каждый по отдельности ничем не отличался от среднего москвича двенадцать лет назад, но все вместе оставляли ощущение, словно знакомые улицы оккупировали иностранцы. Мы брели вдоль набережной реки, и я наслаждался таким редким в Облачном крае солнцем, которое уже собиралось в ближайшем времени закатиться. День на Земле был ощутимо короче, чем на Мау – по моим прикидкам, там он был около двадцати восьми часов.

Михаил, вопреки моим ожиданиям, начал не с информации о моей семье:

– Вы знаете, Илья, скелле, когда поручили мне работу по созданию словарей, не предполагали, что в процессе этого я получу знания об искусстве более обширные, хотя и сугубо теоретические, чем те, что были у них. Правда, по-настоящему я смог это оценить, только прижившись здесь, ознакомившись с культурой Земли. Например, в работах древних постоянно упоминалось о каком-то источнике, который они называли «Темная звезда», вокруг которого обращалась вся наша система – наша звезда и планеты. Они много писали о нем, но мне это мало что говорило, пока я не оказался здесь. Только читая земную литературу, я осознал, о чем шла речь. Темная звезда – это классическая черная дыра в терминологии местной астрономии. И именно присутствие ее рядом с нами дает нам те необыкновенные возможности, которые мы называем «скелле», или «искусство». В моей памяти сохранилась информация о механизме действия источника, но проблема в том, что в земной науке не оказалось аналогов, по которым я мог бы дешифровать ее. Например, древние писали об элементарных качествах, о событиях, которые образуются парами этих качеств, о потоке событий, об их топологии, много работ посвящено принципам формирования пространств в нервной системе живых организмов, о правилах соотношения этих виртуальных пространств и реальности. Но здесь, несмотря на высокий уровень развития местной науки, я не обнаружил ничего похожего. Как мне прикажете расшифровывать эти тексты, если я не могу понять значения большинства терминов? Если бы у меня были в распоряжении все тексты, например, древних школьных учебников вместе с университетскими курсами по тому, что они называли прикладной философией, я мог бы, при наличии нужных способностей, освоить эти знания. Но то, что читал я, – это, в основном, в аналогиях Земли, статьи научной тематики, где никто не потрудился объяснить, что подразумевается под общеизвестными в их время терминами. Вручите, к примеру, земному образованному человеку статью по репликации ДНК. При условии, что он, например, специалист по сравнительному языкознанию, статья не даст ему почти ничего, кроме осознания того, что люди, которые ее писали, считали все это реальным. Так и в моем случае – я могу легко прочесть, что писали древние, но я не могу понять и правильно интерпретировать это. Для того чтобы восстановить знания, нужен целый корпус учебных текстов, которых у нас нет. Либо знания иной культуры схожего уровня, чтобы можно было искать соответствия терминологии. Вы извините, но нынешняя культура Земли, при том, что она на столетия опережает то, что сейчас на Мау, по-моему, уступает знаниям, которыми владели древние. Посудите сами – они писали о межзвездных перемещениях, как о доступной реальности. Современная земная наука до сих пор такой научной идеи не имеет.

– Ну, она имеет кое-что более важное – научный метод. Я уверен, что при методичном подходе, при тщательном исследовании, мы бы смогли докопаться до многих утерянных знаний. Единственное, что не помешало бы – черная дыра неподалеку.

– Кто знает? Может, ваше счастье, что ее нет рядом.

– А как вы настроили свою машину на камень?

Михаил усмехнулся:

– Все, на самом деле, просто. Я нашел не один маяк, а два. И меня перекинуло сюда вместе с ними. Один из них активировался, второй остался пассивным. Эти камешки во многом помогли мне, когда я встретился с Мариной. Дело в том, что первоначально я хотя и доверился ей, но старался избегать темы моего происхождения. Однако вскоре, случайно, я обнаружил, что активированный маяк просыпается в определенных местах – на нем проявляется та самая звездочка, о которой мы говорили. Такие места во множестве разбросаны, насколько я понимаю, по всей планете. Это что-то вроде сетки с шагом в сотню километров. Одно из таких мест есть здесь – в Москве. Вы с ним отлично знакомы. Марина в те годы жила в том же районе, и я тоже нашел это место. Это произошло случайно, во многом благодаря тому, что второй, пассивный, камень при активации первого начинал светиться. Днем это незаметно, но однажды поздним вечером я заметил этот эффект, и вскоре мог предъявить Марине нечто, что она не могла объяснить и что реально существовало. Этот камешек был как знак доверия, как доказательство моей искренности. Мы, правда, решили, что обнаружение этих фактов будет лишним, учитывая, что совсем недавно я числился потенциальным пациентом психушки.

Мой собеседник помолчал и продолжил:

– Когда я решил, что есть вероятность вашего возвращения, то я купил машину и установил ее на месте, где раньше стояла ваша. Местные Кулибины изготовили простейший датчик на основе моего камушка – обычный фотоэлемент, срабатывавший на свечение камня. Они подключили его к сигнализации, как тревожный датчик на взлом багажника. Когда на мой телефон пришло сообщение о том, что кто-то взломал багажник этой машины, я уже был готов.

– Мне кажется, нам пора возвращаться, – сказал я. Увлечись, мы прошли довольно далеко, и уже начинались сумерки.

Михаил осмотрелся, словно только очнулся:

– Да, да. Пойдемте. Марина, наверно, волнуется, – и после паузы: – А можно, я с вами поговорю на нашем языке – соскучился, знаете ли.

– Конечно, – ответил я на нем.

– Так вот, про вашу семью. Я наводил справки, но, как вы понимаете, мои возможности ограничены – только то, что есть в Сети. Хотя иногда – мне кажется, что там все есть. Ну, так вот – жена ваша вышла замуж, где-то через год после вашего исчезновения. Еще через четыре года ваш дом снесли, и они переехали по новому адресу. В прошлом году я видел сообщение о том, что ваша дочь вышла замуж. Я попытался уточнить тогда, осталась ли она жить по новому адресу, и выяснил, что они еще три года назад продали квартиру и куда-то переехали. Все, что я могу вам дать сегодня, – это ссылки на социальные сети. Вы знаете, некоторые женщины практически живут там. Ваша жена, правда, редко обновляет информацию, но зато у дочери целый поток. Вы сможете просмотреть почти всю их жизнь после вас по фотографиям. А там решайте, будете ли вы их искать. Думаю, что это нетрудно сделать по специальному запросу через портал госуслуг.

– Сбросьте мне их. Вечером посмотрю, – внутри я ощущал какое-то беспокойство. Если бы он дал мне ссылки прямо сейчас, то я не уверен, что стал бы их смотреть сразу. Я признался себе, что боялся того, что увижу.

Почти всю дорогу обратно мы шли молча. Пару раз Михаил заговаривал со мной на Мау, но темы быстро исчерпывались – о Мау мы договорились не говорить, пока не вернемся, а остального было сказано уже столько, что требовалось сначала переварить это.

7

Я жадно впитывал признаки нового, которые встречались мне на каждом шагу. Вот подъезд – обычный подъезд московской многоэтажки. С виду в нем ничего не изменилось, вот только доступ внутрь можно было получить, приложив либо палец, либо телефон к датчику на двери. Причем Михаил, запустив какое-то приложение и дотронувшись своим смартфоном до моего, тут же предоставил доступ к подъезду мне, как его гостю. Теперь я мог спокойно проходить в дом по моему отпечатку пальца до тех пор, пока хозяева не отменят допуск. Лифт в этом конкретном здании также использовал систему идентификации – по крайней мере, за все время нашего движения до квартиры Михаила он не нажал ни одной кнопки. Лифт гостеприимно распахнул свои двери, стоило нам подойти к нему, дождался, пока мы зашли внутрь, и сразу же начал движение, не дожидаясь, пока мы выберем этаж.

Марина, дожидаясь нас, заказала ужин из ресторана. Когда мы вошли, незнакомый молодой человек в униформе заканчивал сервировать стол в столовой. Пожелав нам приятного аппетита, вскоре он покинул квартиру, сопровождаемый самодвижущейся тележкой, груженной большим цветным ящиком.

* * *

Говорил я довольно долго. Как, неожиданно для самого себя, я выяснил, за эти полтора года произошло множество событий, не упомянуть о которых не было никакой возможности. В результате я закончил свой рассказ, когда за окном уже стемнело – ну, если темнотой можно назвать многоцветное сверкание ночной Москвы. Выговорившись, я почувствовал опустошение.

Все молчали. Первым заговорил Михаил:

– Да, Илья, похоже, вы даже сейчас плохо представляете, как вляпались. Я отлично знаю скелле, лично не знаком, но много слышал о семье Ур. Ваша ошибка в том, что вы воспринимаете Ану, в частности, как обыкновенную, пусть и талантливую, девушку. Это не совсем так, точнее, совсем не так. Видите ли, в хранилище книг – это гораздо более точный перевод названия того места, где я провел столько лет, чем библиотека, – хранятся не только древние книги. Сестер не сильно заботила систематизация фондов – в результате я имел доступ не только к древней, но и вполне себе современной литературе. Например, я читал методические пособия по содержанию одаренных девочек в интернате для скелле. Знаете ли вы, к примеру, что в юном возрасте наибольшую опасность представляют девочки, когда они спят. Их размещают в специальных склепах на большом удалении друг от друга, чтобы они ненароком не поубивали друг друга во сне. Я даже пересказывать не буду, какими методами их учат контролировать дар. Просто поверьте, иногда это очень жестоко. Уже здесь, на Земле, я прочитал о методах дрессировки животных, об условных рефлексах и прочем того же рода. Так вот, то, как их воспитывают, – это чистой воды дрессировка, как животных. Тех, кто не поддается, уничтожают. Не хочу на ночь глядя рассказывать некоторые неприглядные подробности, но только вообразите, те девочки, которые справились с первичной дрессурой, потом становятся женщинами. И некоторые, скажем так, физиологические особенности женского организма – от месячных и сопутствующих им изменений в поведении до секса и оргазма – катастрофически опасны для окружающих. Захотели бы вы жить с женщиной, которая, потеряв на мгновение контроль над собой, способна убить всех вокруг, просто породив какой-то внешний эффект рядом. Дрессировка, а это именно она, продолжается у них постоянно до окончания интернатуры.

В наш разговор впервые вмешалась Марина:

– Илья, я, как психолог, уверяю вас – они должны быть настоящими шизоидами. Не психами, конечно, но расстройства личности и неврозы для этих несчастных гарантированы. Причем, скорее всего, это будут комплексные состояния. Насколько я могу судить, им всем требуется специальная адаптационная терапия. Боюсь, что чисто психологических методов будет недостаточно.

– Я много общался с Аной, и ни разу не было момента, когда я бы почувствовал нечто подобное. Вот та, кто меня пыталась, – точно больная. Но Ана вела себя более адекватно, чем даже моя собственная жена.

Марина посмотрела на мужа, вздохнула:

– Боюсь, Илья, что вы смотрите на нее несколько романтично. Но спорить не буду – я с ней не знакома.

Неожиданно меня посетила горячая и острая, как сталь, идея. Воспоминание об Ане сложилось с текущей ситуацией и, как результат, я оцепенел. Мои новые друзья заметили это.

– Илья? – протянул Михаил.

Я повернулся к нему и спросил:

– А по второму камню, ну, который с маяком, можно определить сам факт переноса?

Михаил нахмурился:

– Вы о чем?

– Я о том, что, если кто-нибудь еще перенесется, мы это сможем заметить?

У того округлились глаза:

– Вы считаете...

Я перебил его:

– Мне кажется, я ее, пусть и поверхностно, но знаю. Во всяком случае, на ее месте я именно так и поступил бы.

Супруги переглянулись.

* * *

Была глубокая ночь. Я лежал в кровати и таращился в потолок. Вот ведь, было время, когда популярны были такие слабосильные светильники – ночники, позволявшие ориентироваться в доме, не зажигая света. Теперь, во всяком случае, в Москве, наверное, были популярны специальные шторы, которые позволяли отгородиться от огней города. Потолок жил своей жизнью – менял цвет, переливался движущимися полосами света, неожиданно вспыхивал и так же стремительно гас – за окном сияла всеми цветами радуги столица с ее уличным освещением, светофорами, рекламой, машинами, архитектурной подсветкой и огнями миллионов окон.

Несколько часов я провел, рассматривая фотографии моей бывшей семьи. По ссылкам, которые мне дал Михаил, я попал на странички дочери и жены. Несмотря на то, что они были закрыты, мой новый знакомый числился в друзьях у обеих женщин и, таким образом, мог отслеживать события их жизни. Моя дочь оказалась очень общительной особой, и большую часть информации я получил от нее. Чем дальше я рассматривал чужую жизнь, тем больше чувствовал, насколько эти люди для меня чужие. Я потерял семью полтора года назад, и для меня дочка оставалась смешливой жизнерадостной девочкой, которую я никак не мог рассмотреть в этой слегка полноватой, но элегантной молодой даме. Ее муж вызывал у меня раздражение, и я никак не мог определить, чем. Они ждали ребенка – моего будущего внука. Я же смотрел на все это, как на чужое кино – мозг не мог примирить память с действительностью. Жена заметно постарела, но казалась вполне счастливой со своим новым мужем. Последний совершенно не был похож на меня, и я долго рассматривал его, пытаюсь понять, чем руководствовалась моя бывшая супруга. Вымотанный и опустошенный после долгого дня, засыпая, я

был уверен только в одном – желание срочно найти семью и увидеться куда-то пропало. Честно признаться, в настоящий момент меня больше волновала судьба Аны, которую, еще ничего не зная определенно, я уже в мыслях поместил на Землю.

8

Утро встретило меня солнечным светом и тишиной огромной пустой квартиры. Я успел, руководствуясь инструкцией, оставленной хозяйкой, позавтракать и принять душ – именно в таком порядке, когда услышал глухое урчание моего одноразового телефона из комнаты, где я ночевал. Звонила Марина:

– Илья? Доброе утро! Она здесь!

Несмотря на то, что я готовил себя к чему-то подобному, несколько секунд я не знал, что ответить. Собравшись с мыслями, я начал с самого очевидного:

– Где – здесь?

– В Краснодаре. Ее туда вчера перевезли. Вы не волнуйтесь – у нас, у медицины, и у полиции базы разные. Закон о защите персональной информации еще никто не отменял, так что я кое-что уже сделала. Часа через два приеду – расскажу. Михаилу я уже позвонила, он возьмет нам билеты – вечером выезжаем.

– Понял. Спасибо. Жду вас, – я почувствовал облегчение – не надо было самому думать, что делать, плохо ориентируясь в изменившейся реальности.

Я позволил себе расслабиться. Однако несколько мгновений спустя на меня накатило беспокойство об Ане. Если для меня, землянина в родной стране, было совсем не просто приспособиться к новой обстановке, то что говорить о человеке с другой планеты, который не знает языка, не знает правил и обычаев совсем не просто устроенной реальности. Я сам вписался лишь благодаря удаче, слепому стечению обстоятельств. Не будь, например, моей биометрии на портале госуслуг, и я бы до сих пор сидел где-нибудь в полиции, доказывая, кто я такой и откуда взялся. А если учесть то, откуда я на самом деле появился, задача легализации стала бы почти невыполнимой.

За окном сияло солнце, освещая огромный таинственный город, полный чудес. Сидеть в квартире было выше моих сил, и я устремился туда – в самую гущу московской жизни.

Спасибо новым системам идентификации – никаких ключей, пропусков, документов. Я просто захлопнул дверь, подошел к лифту, который уже ждал меня, спустился вниз и вышел на улицу. Пока никаких неожиданностей. Я чувствовал себя дома. Выйдя на набережную, осмотрелся и направился вверх по течению Москвы-реки, рассчитывая дойти до центра пешком.

Тепло, на солнце даже жарко. Сбросив куртку на руку, я зашагал в одной рубашке, высматривая знакомые ориентиры и подмечая непонятные новшества. Казалось, что город остался прежним. Если убрать с улиц новые машины, обнаружишь ту же Москву, те же дома и переулки, что и раньше. Но если присмотреться, если попробовать разобраться, почему я чувствовал себя туристом, а не местным, то сразу же подмечаешь исчезнувшие провода между домами и вдоль улиц, изменившиеся вывески с номерами домов, странные плоские уличные фонари, по которым не сразу и определишь, что это такое. Я присмотрелся к электробусу – машина хотя и незнакомая, но ничего особенно футуристического. Только тут понял, почему обратил на него внимание – водителя за рулем не было, хотя место для него оставалось. Электробус не спеша катил по выделенной полосе в попутном мне направлении. Впереди маячила остановка, и я решил заскочить в него. Перебежав дорогу, я впрыгнул в машину на остановке и завертел головой, отыскивая сканер отпечатков пальца или что-нибудь вроде него, но в салоне ничего похожего не было. Немногочисленные пассажиры не обращали на меня никакого внимания, никто не передавал за проезд, не прикладывал проездной к сканеру, не совал свой палец в непонятные места. Я извлек телефон – на экране висело уведомление, что с меня списано за поездку пятьдесят рублей – номер маршрута, время захода в электробус, дата. Закралось подозрение, что при выходе из него я получу еще одно уведомление – так и оказалось. Проехав пару остановок, я вышел и тут же получил сообщение: «Спасибо за поездку. Маршрут №

такой-то. Время в пути 10 минут». Подозреваю, что вместе со «спасибо» должно было быть извещение об окончательном расчете, но, видимо, я вписался в первоначальный тариф. Электробус свернул в сторону, я опять перебежал дорогу и зашагал по набережной дальше.

В кармане завибрировал телефон – Михаил:

– Илья, ты где?

– Гуляю.

– Марина звонила?

– Да, я в курсе.

– Я тебе сброшу реквизиты – поезд в 18:30 с Казанского. Завтра в обед будем уже там.

– Ладно.

– Встретимся дома, часов в пять. Не заблудись, давай.

– Миш, а почему я ни одного магазина продовольственного не вижу? Я вот вдоль набережной к центру иду – ни одного нет.

– Да есть они. Только они теперь в основном сетевые. Ну, то есть, в онлайн работают. Правда, при любом складе всегда есть отдел «оффлайн». Просто они перебрались в переулки, где аренда подешевле, а ты, наверное, прямо к Кремлю шпаришь. Посмотри на карте.

– Понял. А по старинке? Ну, так чтобы прям супермаркет?

– Полно! Только это больше на окраинах и в торговых зонах. У нас такого не найдешь. Ладно, давай развлекайся, турист, мне еще работать надо.

* * *

Никогда раньше не был в Краснодаре. За окном проплывали кусочки железнодорожного хозяйства, пути, стрелки, заборы, столбы, провода, светофоры, склады – поезд не спеша подкатывал к вокзалу.

Видимое отсутствие документов – паспортов, билетов и прочего – до сих пор слегка беспокоило меня. Казалось, что я живу и путешествую нелегально, случайно принятый системой за другого человека. По сути, у меня вообще ничего не было, кроме одноразового телефона. Тот факт, что я – лучшее доказательство моего существования, никак не хотел прижиться в голове. Даже на Мау мне нужен был крестик, чтобы удостоверить мою личность. Новая реальность на Земле исходила из того, что лучшим удостоверением является сама личность – ее ДНК, отпечатки пальцев, радужка зрачков, лицо. Слегка напряженный, я стоял в коридоре вагона, ожидая прибытия. Супруги возились в своем купе, похоже, никуда не торопясь. Я прижался лбом к стеклу, пытаюсь охладить чрезмерно активный мозг, прокручивающий основные элементы спецоперации, которую спланировала Марина.

На нашу удачу, медицина имела собственную базу данных, не интегрированную до сих пор с глобальной системой. В клинике, где работала Марина, была пациентка-инвалид, потерявшая всех родственников. Получив запрос от полиции на розыск неустановленного лица – девушка, на вид двадцать пять лет, темная кожа, черные прямые волосы, не говорит по-русски, – она сообщила, что разыскиваемая – та самая пациентка, не вернувшаяся с прогулки, отпечатки пальцев совпадают, не опасная, не буйная, говорит на несуществующем на Земле языке, клиника направляет специалистов для транспортировки. И теперь мы были сопровождающими лицами для самой Марины, каким-то неведомым способом выбившей себе официальную командировку. Оригинал в это время лежал в клинике в состоянии кататонического ступора и против такого использования своей личности не возражал. Не знаю, чего стоило Марине проведение этой аферы, но точно знаю, что без нее в этом обществе, пережившем сплошную цифровизацию, ничего сделать было бы невозможно, и как в этом случае сложилась бы судьба иммигрантки с другой планеты, даже не могу представить. Почему она это делала, почему поверила будущему мужу, когда он находился в схожей ситуации – загадка, на кото-

рую, скорее всего, она смогла бы дать ответ, но я сам его не искал, благодарный тому, что она оказалась на нашей стороне.

Вокзал встретил нас совсем уже теплой, почти летней погодой. Светило солнце, и нам пришлось сбросить верхнюю одежду, чтобы не перегреться. Времени на то, чтобы исследовать город, совершенно не было, и, взяв такси, мы отправились по адресу, где располагался приемник-распределитель для неустановленных лиц, незаконных мигрантов, лиц без документов и прочих персонажей, главным прегрешением которых было их отсутствие в системе глобального контроля.

В такси, по большей части, я молчал. Уверенное поведение Марины, уже бывавшей в подобных командировках, частично успокаивало. Наконец, мы приехали к какому-то зданию, напоминающему отделение полиции. К моему некоторому облегчению, супруги посчитали нужным, чтобы я остался снаружи и дождался их в сквере неподалеку. Еще пять дней назад я не существовал на этой планете, и моя учетная запись в госреестре пестрила пометками о просроченных идентификациях, лицензиях и прочем. Даже банк очнулся и попросил меня посетить их отделение в ближайшие пять дней для подтверждения биометрических данных. В такой ситуации любое общение с официальными лицами грозило ненужными сейчас осложнениями.

Просидев честно полчаса в сквере, я почувствовал, что мой долг выполнен. Михаил сказал по телефону, что они зависли не меньше, чем на час, и я решил, пока есть время, посетить отделение банка, которое обнаружилось на карте поблизости. Здесь, на юге, уже вовсю зеленеет молодая листва, солнце, хоть и перевалило через вершину своего пути, все еще оставалось достаточно высоко и ощутимо грело лицо. Я вышагивал вдоль неширокой улицы, застроенной частными домами, и думал о том, что я хочу. С одной стороны, я дома и, естественно, хотел бы здесь оставаться. С другой, я так и не разобрался с тем, как я попал на другую планету, мои старые связи и привязанности на Земле за двенадцать лет поблекли, а местами были полностью разрушены, в конце концов, у меня появились новые обязательства, и, похоже, сейчас прибавится еще одно. Чем дальше я уходил от сквера, тем больше убеждался в том, что теперь моя судьба связана с далеким Мау. И мой путь лежит туда – смог же я прыгнуть один раз, воспользовавшись потерянным Михаилом маяком, значит, это можно и повторить. Но в этот раз я не отправлюсь в путешествие, вооруженный лишь пакетом продуктов из супермаркета. Я вытащу все, до чего дотянусь, из науки Земли, я выпотрошу Михаила (в переносном смысле, конечно), я притащу с собой все, что только возможно. И тогда посмотрим, кто кого – сумасшедшие старухи-монашки или простой инженер-механик с Земли?

На углу улицы, по которой я шагал, уже виднелась знакомая вывеска банка, когда в кармане пискнул телефон: «Мы выходим», – короткое сообщение от Михаила. Развернувшись, я устремился назад. Вот и сквер напротив здания полиции, три знакомые фигуры, почему-то стоящие вокруг лавочки. Это она! Я не ошибся, она тоже прыгнула!

Они меня не видели. Михаил о чем-то оживленно говорил с Аной, Марина слушала их так, как будто понимала неземной язык, скелле стояла спиной ко мне, какая-то поникшая, помятая. Я подошел почти вплотную, когда Михаил заметил меня и улыбнулся. Она развернулась на месте, секунду всматривалась в меня так, как будто не узнавала, затем медленно, нащупав спинку лавочки, опустилась на нее, продолжая смотреть на меня, как на привидение, хотя мы виделись всего лишь пять дней назад. Мне показалось, что она побледнела, ее кожа стала светлее, волосы были собраны в пучок, и в довершение – знакомый темный комбинезон, теперь мятый и испачканный.

Я подошел совсем близко, улыбнулся и сказал на Мау:

– Здравствуй, скелле!

Девушка резко встала, выпрямилась, вновь став похожей на надменную носительницу дара, внезапно шагнула вперед и обняла меня. Я остолбенел. Она крепко прижалась ко мне, но

не как земная женщина – она не обнимала меня за шею, она обхватила меня вокруг туловища и прижалась лбом к моему плечу. На некоторое время мы все застыли. Ана отстранилась и сказала, по ее мнению, главное:

– Здесь нет источника.

У этого народа явно нет привычки здороваться. Источник, скелле, магия – это была ее суть. Она прошла страшное мучительное детство, приучая свое тело к магии, она жила с магией, каждый ее поступок имел значение только с точки зрения магии. Она совершила отчаянное безумное путешествие только для того, чтобы лишиться всего, что у нее было. Во всяком случае, так она сейчас думала. Наверное, что-то подобное ощущает боец, переживший страшный бой только для того, чтобы обнаружить себя на койке в госпитале с ампутированными ногами. Мне стало ее безумно жалко, и я постарался вернуть ей надежду:

– Есть. Только он очень далеко. Но каким-то образом он достигает даже сюда. Мы выясним это. А еще мы вернемся, забрав отсюда то лучшее, что может нам дать Земля. Добро пожаловать на твою прародину, маути.

9

Искра в маяке появлялась только рядом со знакомой березой. Я подозревал, что если достаточно долго оставаться на месте, то установится соединение и переход вновь сработает. Так как я еще не был к этому готов, то убегал в сторону, стоило только обнаружить, маленькое зеленоватое пятнышко, мерцающее в камне. У нас не было возможности экспериментировать – кроме неактивированного маяка Михаила мы имели только два камушка на двоих. Это были два наших билета на Мау. Я поинтересовался у гения лингвистики, не хочет ли он вернуться на родину, и получил весьма красноречивый и однозначный ответ – Михаил прыгал, долго говорил, объяснял, успокаивался и снова вскакивал, только чтобы я лишний раз его услышал – нет. Ну, нет так нет.

Меня занимал один вопрос – каким образом маяк захватывает материю для переноса? Прошлый раз я перенесся вместе с сумкой и пакетом из магазина. Естественно, перенеслась вся одежда и то, что в ней было. Я стоял перед открытым багажником машины, но перенеслись, кроме моего тела, только те предметы, которые находились в непосредственной близости. Дальше всего был пакет, но он благополучно отправился в путешествие, в то время как большая сумка с моими спортивными вещами, которая была даже ближе ко мне, так как лежала с краю, и не подумала. Решение было очень важно, так как от него зависело, что мы сможем взять с собой.

Рабочую гипотезу предоставил, как ни странно, Михаил. Он, несмотря на то, что уже прожил на Земле почти пятнадцать лет, все еще слабо ориентировался в том, что зачастую знали даже школьники – сказывалось отсутствие земного образования. Однако у него была великолепная память на тексты – важная часть таланта лингвиста. В результате он вспомнил отрывок, который на Мау остался для него бессмыслицей, но который на Земле, кажется, обрел-таки смысл. В нем говорилось о том, что облако путешествия формируется вокруг маяка на основе обломков зерна воды, которые уносят с собой пропорциональный вес обломков других зерен. Облако заканчивается там, где плотность обломков зерен воды недостаточна, чтобы перенести связанные с ними другие зерна и обломки зерен внутри облака. Бред? Если бы я лично не скакал с планеты на планету, то, скорее всего, не обратил бы на этот отрывок никакого внимания, однако обстоятельства заставили потратить целый вечер, чтобы, как нам казалось, составить приемлемый перевод на русский. Иероглифы «обломок и зерно» выписывались всегда вместе и под особым значком, значение которого было непонятно. Михаил предположил, что это термин, и его лучше не переводить дословно, а подобрать соответствие из земной культуры. Перебрав множество вариантов, мы решили, что речь идет об атоме водорода. В этом случае весь отрывок можно было интерпретировать в том смысле, что через маяк, который является центром переноса, подтягиваются все атомы водорода поблизости, которые становятся локальными центрами. Каждый такой центр способен регулировать перенос ограниченного количества атомов других веществ. Способность системы перенести то или иное вещество, таким образом, зависит от плотности атомов водорода в нем. Кроме того, общий размер облака переноса ограничивается массой вещества внутри его границ. Границы при этом, естественно, подвижны и зависят, опять же, от плотности водорода в веществе. Наше тело, состоящее из воды и белков, в которых изрядное количество водорода, таким образом, становится облаком, которое тянет за собой еще и некоторое количество вещества вокруг. И если, например, в пакете из магазина лежит бутылка воды или молока, то облако будет деформироваться в этом направлении. Сухие же, или просто лишенные атомов водорода предметы останутся на месте, если только они не находятся в тесном контакте с основным облаком. Говоря по-простому – переносится вода, которая захватывает некоторую ограниченную сопутствующую массу. При этом форма зоны переноса определяется формой капли воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.